

ТОЧКА ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Эта небольшая, но приятненькая во всех отношениях душевная история, произошедшая глубокой прохладной сентябрьской ночью в високосный год почему-то быстро пролетевшего века двадцатого, на короткое время сделала их самыми известными людьми небольшого городка.

Уже утром в понедельник, когда в прокуратуру города поступило письменное заявление трех мужчин с просьбой о привлечении к уголовной ответственности гражданина, покушавшегося в ту ночь на их жизни, по городку разнеслась страшная новость, которую без устали стали обсуждать старики и старушки, сидевшие на скамейках у подъездов своих домов, многозначительно стали перешептываться слесари и токари промышленных предприятий и в полный голос присоединились к полемике старшие и младшие научные сотрудники единственного в городе крупного научно-исследовательского института.

Ближе к обеду остановились на заводах токарные и фрезерные станки, перестали извлекаться квадратные корни в стенах института, замерли на новостройках подъемные краны, значительно реже стали курсировать рейсовые автобусы и куда-то исчезли из города маршрутные такси. Полностью была прекращена доставка срочной и менее важной корреспонденции. Взрослое население города, от пионера до персонального пенсионера, с жаром обсуждало ночное происшествие.

Потом, в час полуденный, когда из здания прокуратуры стремительно выбежала молодая секретарша и, поддерживая левой рукой висящую через плечо сумочку, устремилась не в магазин за французскими духами, а в центр города, в народный суд, пытливые население городка ясно поняло - случилось что-то невероятное.

И тотчас по городу поползли достоверные, а потому и самые разнообразные догадки и предположения. Сидя у подъездов домов, глуховатые старушки громко переспрашивали друг друга - а силами какой воздушной дивизии взяли злодеев?

Не понимая вопросов, некоторые из старушек стали добавлять к непонятной им истории свои мысли и жизненные наблюдения, а потому вскоре по городу распространились достоверные сведения, что с рельс сошла электричка, другие, будучи людьми более широкими по натуре, утверждали, что резко подешевела водка в стеклянной посуде.

Их же, троих участников ночного происшествия, стали узнавать в городе, когда они, с перебинтованными головами, в обеденный перерыв пошли домой. И пальцами стали показывать на них горожане, когда они, дома плотно перекусив, спешили на работу с обеденного перерыва.

Сначала они не придали этим необычным манерам поведения горожан особого значения, но потом, когда при проходе на работу вахтер родного института потребовал у каждого из них пропуска и долго сличал вклеенные в них фотографии с оригиналами, они крепко ошалели, не полностью оценивая адекватность сложившейся критической ситуации.

А молва с учетом достоверных сведений очевидцев все ширилась, обрастая новыми подробностями и важными деталями, поднимая в больнице с коек больных и парализованных. Каждый, абсолютно каждый житель славного города вносил посильную лепту в загадочную фабулу ночного происшествия.

Сразу же после полудня по городу распространилась обобщенная, а потому и достоверная новость, что злодеев взяли. Взяли силами трех милиционеров во главе с одним майором под руководством грузного полковника.

“Я сама своими глазами видела, как их посадили в каталажку”, - шепелявя беззубым ртом, утверждала слепая старушка, сидевшая на скамейке возле дома напротив прокуратуры.

“В КПЗ ее посадили, - утверждала другая старушка в толстых очках, наиболее правдивый очевидец произошедшего. - Бить ее, правда, не били, но руки крепко заломили”.

“Не мели чепухи, старая, - не соглашался с ней старичок Пантелей, закуривая. - Вора взяли на рынке”.

Чтобы успокоить общественное мнение, без десяти минут пятнадцать часов по местному радио выступил первый заместитель начальника следственного отдела местной прокуратуры, внятно и доходчиво объяснивший испуганным гражданам, что мужчины в количестве трех человек, невинно пострадавшие ночью, не являются преступниками, а к прямой ответственности будет привлечен некто гражданин Дзюба.

Полной грудью вздохнул городишко - как ни крути, а один бандит все же лучше, нежели три прохиндея. По крайней мере, в три раза приятнее, никак не меньше. Как пить дать.

На волнах этой радостной новости наиболее сознательные и социально активные жители города незамедлительно приступили к сбору подписей горожан с жестким требованием к председателю горисполкома срочно выдать этим трем невинно пострадавшим мужчинам удостоверение “Почетного жителя города”, а потом, в месячный срок или чуток ранее, забронзевать местных героев в гранитных памятниках. При жизни.

Единого мнения среди активистов по месту дислокации памятников героям города, правда, не было - мужское население требовало установить памятники рядом со статуей Ленина или чуток поодаль от него, женщины же, как люди более или менее эмоциональные, предлагали снести несколько обветшалых домишек в центре города да соорудить на том месте центральную площадь с целью капитальной установки на ней этих самых памятников.

Много еще было выдвинуто разумных предложений и мыслей на этот счет, нечего скрывать.

Чтобы внести хоть какую-либо ясность в то ночное происшествие, нам придется вернуться на три дня назад, теперь уже в ту историческую пятницу в год рогатой козы.

- На собрание, быстро все на собрание! - громко стуча каблуками по цементной лестнице, со второго этажа лаборатории спускалась профорг, старший техник Лидка Петрова. Ее звонкий голос, отражаясь от стен большого помещения, казался громopodobным.

Войдя в просторную раздевалку, она приказала:

- Кому сказано - бросайте играть в домино и живо на собрание!

- Тьфу, опять физпаузу сорвали, - со злостью в голосе произнес слесарь Женька Ерофеев, бросая костяшки на стол. - То приказывают физкультурой здоровье глубить, то активных занятий спортом лишают. Ты, профсоюзный бог, почему даешь нас в обиду? Положено конституцией нам спортом заниматься или нет? Не при капитализме каком-нибудь живем. Отвечай!

- Положено, все положено, только после собрания. Живо в кабинет начальника, бездельники!

- А как быть с подорванным здоровьем? - подал голос слесарь Олег Соловьев.

- Поправишь после собрания. И так все дни напролет в домино играете.

- Слышали, хлопцы? Она нас бездельниками назвала, - Ерофеев обиженно посмотрел на профорга. - Да мы начлабу бумагу напишем.

Но профсоюзный деятель местного масштаба уже порхал по другим помещениям лаборатории, изыскивая в них старших и просто техников.

- Ладно, ребята, пошли, а то Хоттабычу нажалуется, - поднялся со стула Олег.

- После обеда навестаем, - согласился Ерофеев.

Ведущая лаборатория крупного научно-исследовательского института находилась на отшибе, вдали от его основных корпусов. С двух сторон ее окружала трехметровая железобетонная стена со штырями и колючей проволокой наверху, с третьей стороны - высоченные заросли крапивы и мелкого кустарника, и только южная сторона широкой асфальтированной дорогой открывала доступ к кладезю научных мыслей местного масштаба.

Лаборатория была на особом счету у руководства института. Она была самой многочисленной по штатному расписанию, здесь работало больше всего старших и младших научных сотрудников по сравнению с другими подразделениями института. По сложившейся традиции при подведении научных итогов года она всегда занимала первые места, а ее сотрудники награждались грамотами и переходящими призами. Работать в этой лаборатории считалось престижно как с точки зрения материального довольствия, так и в части сжатых сроков защиты ученых степеней.

Издали здание лаборатории казалось маленьким и невзрачным. Но внутри оно было большим, с несколькими помещениями - боксами, разделенными кирпичными стенами, с кафельными полами и большими - от пола и почти до потолка - на случай взрыва - окнами. В каждом боксе размещались газгольдеры и стенды со сложными вакуумными агрегатами и контрольно-измерительными приборами.

Постоянно работающая вентиляция обеспечивала непрерывное движение воздуха по помещениям, а копошившиеся на стендах техники и слесари под руководством младших научных сотрудников в белых халатах неуклонно добивались практических результатов, идентичных результатам теоретических исследований старших научных сотрудников лаборатории, достигнутых с применением множества эмпирических формул.

И только в пристройке к основному зданию лаборатории, состоящей из трех кабинетов, было тесно и неудобно: в самом большом кабинете размещались начальник лаборатории кандидат технических наук Сидоров, за глаза прозванный Хоттабычем, и его заместитель Домошенко, в течение восьми лет готовившийся к защите кандидатской степени, во втором кабинете работали старшие научные сотрудники - руководители научных групп и секторов, а в третьем - младшие научные сотрудники - руководители боксов и стендов. Здесь же, в третьем кабинете, находились рабочие места инженеров старших и прочих иных людей с высшим техническим образованием.

Слесари, которых в лаборатории работало больше десяти человек, размещались на первом этаже, в просторной раздевалке. По периметру этого помещения были расставлены шкафы для сменной одежды, а посреди него находился длинный рабочий стол со скамейками с обеих сторон. Здесь же, на столе, лежал основной рабочий инструмент - две коробки с костяшками домино.

Руководил лабораторией Сидоров, пожилой лысый человек, защитивший кандидатскую степень после прихода на работу в институт по приглашению своего бывшего ученика, а теперь директора института доктора наук Белякова. За частые "К-ха, к-ха" Сидорова за глаза называли Хоттабычем. Из-за отсутствия научных мыслей он постоянно был в плохом настроении, хмурый, замкнутым и неприветливым.

При встречах с ним сотрудники старались скрыться с его глаз, потому как ощущали себя без вины виноватыми. Если он неожиданно входил в какое-либо помещение, то первым делом он громко "кхакал", словно предупреждая о своем приходе, и только потом говорил слова приветствия. За нарушения рабочего режима

сотрудников он не наказывал лишением премии, а вызывал к себе в кабинет и долго читал нравоучения с применением “к-ха, к-ха”.

Хоттабыч, отработавший долгие годы на производстве, плохо понимал отдельные специфические научные термины из области криогеники, а посему не мог в полной мере судить о научной работе не только института в целом, но и руководимого им структурного подразделения. Проработавшие не один десяток лет старшие научные сотрудники лаборатории очень быстро поняли научную несостоятельность своего шефа, а потому благодаря их целенаправленным усилиям в работе лаборатории возник, прижился и окреп новый плановый метод подготовки ежеквартальных научных отчетов - принцип “рекле”, что для сведущих в этом деле людей означало “режем - клеем”.

Авральная работа с использованием нового принципа подготовки отчетов проводилась несколько раз в год, а именно - четыре раза, по числу кварталов.

При подготовке этих отчетов жизнь лаборатории преображалась, как бы расслаивала ее сотрудников на две социальные группы : техники и рабочие уныло бродили по пустынным боксам или играли напропалую весь день в домино, спали на стульях возле стендов и газгольдеров, и только для остепененных сотрудников и инженеров наступали горячие денечки.

В эти дни они, совершенно забыв о необходимости поддержания в хорошем тоне свои светлые головы и стантовые хребты за счет длительных физпауз, резали старые отчеты, судорожно вносили в них отдельные поправки и уточнения.

После этого рукописи доработанных отчетов передавались весьма и весьма квалифицированной машинистке, во время работы которой остепененные люди по очереди отгоняли от нее мух и прочих насекомых тварей с единственной целью - избежать каких-либо неточностей при печатании материалов, потому как времени на повторное печатание отчетов практически никогда не оставалось.

Подобный стиль подготовки научных трактатов, честно говоря, устраивал абсолютно всех сотрудников лаборатории, а посему после нескольких лет руководства лабораторией Хоттабычем этот метод работы стал самым плодотворным и перспективным с точки зрения получения премии за своевременные сдачи квартальных отчетов.

С приходом Хоттабыча изменился и распорядок работы сотрудников - приказом по подразделению вводились две физпаузы (в одиннадцать и пятнадцать часов) по пятнадцать минут каждая, которые, по замыслу руководства, должны были способствовать укреплению здоровья сотрудников и тем самым генерировать в их головах новые научные мысли и вызывать длительный, по нарастающей, творческий подъем.

Сначала физпаузы были встречены сотрудниками лаборатории в штыки, но потом, после длительной индивидуальной и плодотворной разъяснительной работы Хоттабыча с каждым сотрудником, они резко изменили свое к ним отношение. Вскоре было сформировано несколько футбольных команд, после чего в любую погоду - под проливным дождем или в пургу - возле территории лаборатории стали проводиться квалификационные соревнования за право играть в финале на приз Хоттабыча.

Заметно выросла ценность каждой победы после примененного Хоттабычем ноу-хау - создания групп поддержки из представительниц прекрасного пола - их бурные возгласы одобрения и милые что-то обещающие улыбки часто настраивали спортсменов на выдающиеся спортивные рекорды местного масштаба.

Постепенно спортсмены вошли во вкус спортивных баталий, а посему матчи стали удлиняться и удлиняться, и вскоре сотрудники лаборатории приходили на работу за несколько часов до ее начала, дабы перед той решающей игрой тщательно

разогреть организм и отработать тот или иной сложный тактический замысел общественного тренера. Правда, порой не обходилось и без накладок - иногда матчи удавалось заканчивать значительно позже окончания рабочего дня.

Чтобы не тратить время попусту, вскоре сотрудники лаборатории стали приходить на работу в спортивных костюмах, а иные, наиболее продвинутые, - в кедах, а женская половина лаборатории вскладчину купила флаг спортивного общества "Трудовые резервы" и трещалки. И значительно веселее стали проходить спортивные поединки, дотоле вызывавшие у них тоску и икоту.

Порозовели щеки ученых, выпрямились их плечи. Ходившие дотоле в полусогнутом виде старшие научные сотрудники теперь могли позволить себе невзначай безнаказанно задеть тренированным плечом коллегу из отсталого, в спортивном смысле, другого подразделения института.

Вскоре за продвинутой лабораторией укрепилась и новая слава - слава спортивного коллектива, способного с успехом выступать на первенство города по многим видам спорта, потому как проводимые институтом различные соревнования неизменно и безоговорочно выигрывались подчиненными Хоттабыча.

И вскоре при покупке администрацией института спортивных кубков на них там же, в магазинах, наносилась надпись "Победителю - коллективу лаборатории № 1".

Возможно, спортивная слава лаборатории с годами могла бы достичь рекордных высот, если бы не злые языки отдельных сотрудников института, трудившихся менее плодovито в других подразделения научной альма - мамки.

Доложили они грязной кляузой руководству института, что в лаборатории № 1 в рабочее время не работают, а играют в футбол и прочие разные спортивные игры. Если быть до конца честным, то так оно и было.

А, может, никто из отстающих в спортивном смысле слова сотрудников и не докладывал ничего администрации института, разве что лишь начальник охраны, иногда безуспешно пытавшийся со своей дружной командой отправить поздними вечерами крупных ученых-спортсменов по домам.

В результате, так или иначе, вскоре приказом директора института все спортивные мероприятия в рабочее время были категорически запрещены.

Загрустили спортсмены, потому как тренированные мышцы требовали постоянного движения, нагрузки. Но самое печальное заключалось в том, что в ближайшем обозримом будущем не предполагалось возврата славных спортивных времен в наиболее благоприятное для организма спортсменов время - до захода солнца.

Теперь старшие, косо поглядывая на младших научных сотрудников, перестали с ними здороваться за руку, а те, в свою очередь, с техниками и старшими техниками, не говоря уже о представителях рабочего гегемона.

Все бесцельно ходили по боксам лаборатории хмурыми, стараясь не попадаться друг другу на глаза, мысленно проклинали директора института за его черствую душу и пытались придумать новые спортивные увлечения, которые бы можно было проводить более скрытно.

И вскоре в центре самого просторного и светлого бокса были поставлены два теннисных стола. Теннисные партии проводились одиночные, парные, женские команды соперничали с мужскими. Принимали участие в играх и смешанные составы команд, что значительно увеличивало интерес зрителей к жарким поединкам.

Ученые, дотоле не умевшие держать в руках теннисную ракетку, спустя пару недель интенсивных тренировок элементарно могли бы обыграть многих мастеров спорта. Некогда располневшие фигуры милых сотрудниц лаборатории снова стали изящными и крайне привлекательными. Нет, нельзя отлучать людей от спорта !

Но снова Хоттабыч, не тренировавшийся вместе с подчиненными, а потому и имевший квелый вид и гнutoго вида фигуру, запретил проводить в рабочее время многочасовые теннисные соревнования.

Черные дни наступили для сотрудников лаборатории. Некоторые из них, менее стойкие, снова устремились в городские технические библиотеки, ибо от них было гораздо ближе до дома. Участились городские поездки по обмену накопленного опыта по подготовке и сдаче научных трактатов.

И только техники вкупе с рабочими разных квалификаций, закрывая изнутри раздевалку на щеколду и оставляя дежурного на стреме, в полном объеме крепкого жизнелюбия играли в домино на высадку.

На собрание явились все сотрудники, за исключением тяжело заболевших насморком.

Кабинет Хоттабыча не был приспособлен для проведения столь масштабных мероприятий, потому сотрудники мужского пола, скрестив натруженные руки на груди, с унылым видом стояли вдоль стен кабинета, и лишь женщины статуино царствовали на мягких стульях.

- К-ха, к-ха, товарищи, - прокашлял Хоттабыч и обвел кабинет ясным взором. - Все собрались?

- Все, Иван Иванович, - доложила Петрова. - Кроме двух инженеров, которые на больничном.

-К-ха, товарищи, хорошо, - согласился начальник. - Сегодня мы проводим собрание по поводу подведения итогов работы за второй квартал текущего года и о мерах по безусловному выполнению плана сдачи отчетов за третий квартал. Слово предоставляется, к-ха, к-ха, моему заместителю Петру Семеновичу.

- Товарищи! - пафосно начал речь Домашенко.

Собственно, ничего нового и неординарного он не сказал, разве что лишь в очередной раз отметил хорошую работу во втором квартале группы Блиновой и подчеркнул, что в третьем квартале, согласно утвержденному руководством института плану, им необходимо сдать три отчета. В конце выступления от имени руководства родной лаборатории поблагодарил группу Стороженко за высокие спортивные достижения в первенстве института по футболу по плану второго квартала текущего года.

- У меня все, - сказал он и поглядел на Хоттабыча.

- Вопросы есть к товарищу Домашенко? - спросил начальник .

Вопросов на было.

- К-ха, товарищи, очень хорошо, - продолжил Хоттабыч. - Это хорошо, что наша лаборатория в текущем году завоевала все спортивные призы на соревнованиях, проводимых под эгидой нашего института. Но, товарищи, нам зарплату платят за научные достижения, прошу это иметь в виду и понять мою мысль доходчиво. К-ха, к-ха, переходим ко второму вопросу повестки собрания. Слово предоставляется моему заместителю, к-ха, к-ха, Петру Семеновичу.

- Товарищи, - гордо произнес Домашенко. - Всем нам следует повысить производительность труда при обработке результатов проводимых опытов и обобщении научных выводов, подтверждающих теоретические исследования.

Поэтому начальство лаборатории просит все вас, товарищи, уделить основное внимание проведению опытов на стендах и обработке полученных экспериментальных данных. Это касается, прежде всего, группы Ирины Дмитриевны Блиновой. У меня все, - закончил заместитель.

- К-ха, товарищи, у кого есть вопросы? - спросил начальник лаборатории. - Хорошо. Товарищ Стороженко, как идут дела у вашей бригады?

- Нашей бригадой проведена определенная, я бы сказал, большая работа. Сейчас обрабатываем экспериментальные данные, пытаемся вывести кривую интегральной зависимости, - доложил начальник бригады.

- Следует ускорить работы, товарищ Стороженко, по прокладке кривой зависимости. Помощь группе нужна?

- Да.

- В чем?

- Просим временно перевести в нашу группу двух техников из группы Блиновой.

- Нет, я своих сотрудников не отдам! - вскочила со стула Ирина Дмитриевна. - У нашей группы очень много работы, кроме того, не закончены опыты по определению фактической теплопроводности смеси водорода и шуги при ее транспортировке по вакуумным трубопроводам.

- К-ха, к-ха, одного техника мы все же, Ирина Дмитриевна, перекинем в группу Стороженко. Временно. А чем вашей группе, Ирина Дмитриевна, помочь?

- Ножниц не хватает. А из-за этого происходит задержка в подготовке вступительной части отчета.

- Николай Семенович, - обратился Хоттабыч к завхозу лаборатории Панину, капитану стройбата в отставке и проходившему по штатному расписанию в качестве старшего инженера. - Вы можете обеспечить людей вспомогательным инвентарем в полном объеме реальной потребности?

- Попробую, хотя твердо не обещаю, - ответил Панин. - Кстати, у меня вопрос в вам. В следующий четверг институтская комиссия будет проверять чистоту территории. Поэтому прошу руководство лаборатории выделить мне в помощь на два дня одного сотрудника для уборки территории.

- Потом займемся вопросами по уборке территории, Николай Семенович. На этом собрании мы обсуждаем только научные аспекты.

- Все взаимосвязано, - обиделся завхоз.

- У меня конкретная просьба назрела, - поднял руку руководитель аналитической группы кандидат наук Лебедев. - Срочная.

- К-ха, к-ха, какая?

- У нас клей закончился, потому работа встала.

- Николай Семенович? - начал бросил взгляд на завхоза.

- Я тут, - мрачно ответил тот.

- Что тут? Надо срочно решить проблему с клеем.

- Попробую, но твердо не обещаю. Кстати, у меня встречная просьба есть. Товарищи, скоро нас будут направлять на уборку картошки в подшефный колхоз, а некоторые из вас, малосознательные, прямо скажу, еще с прошлой осени не сдали телогрейки и сапоги. Надо срочно исправить положение, товарищи. Иначе этой осенью в чем будут в колхозе работать наши коллеги?

- Николай Семенович, ваше заявление не входит в раздел научного обсуждения. Вашу просьбу обсудим на очередном собрании в разделе "разное" после сдачи отчетов.

- Все взаимосвязано, - вдвойне обиделся завхоз.

- Пойдемте дальше, - предложил начлаб. - К-ха, к-ха, товарищ Солодухин, на какой стадии ваш отчет?

- Вчера вышли на финишную прямую, - отрапортовал начальник сектора.

- Помощь нужна?

- Да, обязательно. Нужны остро заточенные карандаши и новые лезвия.

- Товарищ Панин, вы слышали вопрос? - спросил Хоттабыч.

- Постараюсь, хотя твердо не обещаю. У меня своих прямых проблем много. Вот, к примеру, метлу надо менять, потому как старая полностью истерлась. Вы подпишите мою докладную на имя директора института?

- Об этом поговорим в разделе “разное”, Николай Семенович. Ну сколько вам об этом говорить надо, что сейчас мы обсуждаем насущные вопросы на научную тематику. Ясно вам?

- Науки большой нет без постоянной практики, товарищи. Все взаимосвязано, как в природе, - стоял на своем завхоз.

- Итак, товарищи, я прошу вас приложить максимум усилий и знаний для своевременного и успешного завершения отчетов. Поэтому с завтрашнего дня я отменяю библиотечные дни и утреннюю физпаузу. Да, товарищи, я вынужден пойти на этот шаг. А после сдачи отчетов мы снова вернемся к прежнему распорядку работы с двумя физпаузами.

- Захиреем мы без спорта, - громко подал голос слесарь Чекмарев. - Сутулыми станем.

- Крепитесь, товарищи. Ведь этот график работы мы скоро отменим. К-ха, к-ха. Потерпите.

- У меня имеется важный вопрос, - поднял руку Панин. - На следующей неделе нужно отвезти огнетушители на зарядку, потому как настала наша очередь.

- Я же сказал вам, Николай Семенович, что хозяйственные вопросы мы обсудим в разделе “разное”.

- Вот опломбируют наши боксы, тогда пойдем всю важность пожарной безопасности, - ответил завхоз. - Вот, я помню, в моем батальоне дело было. Вызывает меня командир полка майор Чичкин ...

- Ваши воспоминания мы потом коллегиально обсудим, Николай Семенович, а сейчас мы должны решить первоочередные научные вопросы. Я же говорил вам, что скоро наступает срок сдачи отчетов за третий квартал.

- Пошли обедать, - спрятавшись за спину Лебедева, громко выкрикнул слесарь Женька Ерофеев. - Жрать хочется.

- Мы заканчиваем, товарищи. К-ха, к-ха, товарищи. Вопросы есть для моего личного рассмотрения и оперативного мною решения?

Вопросов не было.

- Тогда все свободны, товарищи.

Из кабинета выходили шумною толпой. Старшие научные сотрудники шагали налево, младшие - направо, а золотой фонд лаборатории - рабочий гегемон - спускался на первый этаж, в раздевалку. И только старший инженер Панин был на распутье - его не считали своим ни научные светила, ни представители рабочего класса.

Слесари уселись за столом и начали играть в домино, благо до обеда еще было полчаса.

- Ты чего сюда приперся? - спросил Ерофеев Панина, робко протиснувшегося в дверь. - Иди к своим мэнээсам, кот ученый. Тоже мне, инженер грамотный ...

- Какой я инженер, - виновато проговорил завхоз. - Жизнь заставила.

Следует прямо сказать, что Панин был прав. Полгода назад по институту прошло очередное сокращение штатов. И если ранее завхоз Панин числился слесарем механосборочных работ пятого разряда, то теперь он был переведен на должность старшего инженера со значительными финансовыми издержками в части зарплаты. Хотя, в принципе, все остались довольны: руководство отчиталось за сокращение рабочих кадров, попутно закрыв свободную вакансию старшего инженера. При этом Панину было обещано компенсировать его материальные издержки регулярной выдачей премиальных за личные достижения в области научных изысканий.

- Пошли обедать, - бросил костяшки на стол Чекмарев. - Жрать хочется.
- Олег, ты сегодня пойдешь обедать? - спросил Ерофеев слесаря Соловьева.
- Иду. Только рано еще.
- Пока дойдем. Да и очередь занять надо, - сказал Чекмарев.

Втроем они направились к главному корпусу института, на первом этаже которого находились буфет и столовая.

- Надо бы сегодня, в последний день недели, сообразить, - предложил Олег. - Как на мое предложение смотрит передовой рабочий класс?

- Денег нет, - вяло ответил Чекмарев. - А так, оно, конечно, ежели, не говоря обо всем остальном, то, конечно, едино имея в виду, если твердо разумеется, то, конечно, потому как пятница сегодня. Верно?

Они вошли в столовую, заняли очередь.

Помещение столовой было небольшим и душным. Наиболее ретивые сотрудники института пытались без очереди пробиться к кассе.

- Смотри, новенькая, - Олег показал на молодую девушку, которая с подносом направлялась к свободному столику.

- Хороша, и об этом пишет мировая пресса, - согласился Ерофеев. - А, что, Шура, слабо тебе с ней познакомиться? - предложил он Чекмареву.

- Элементарно. На что?

- Как всегда - на емкость стандартную для тройной радости, - ответил Олег.

- Идет, - согласился Чекмарев.

Они ударили по рукам.

Чекмарев посмотрел по сторонам, подошел к столику, на котором лежали ложки и вилки, взял орудия обеда и направился к столику, за которым только что расположилась девушка, протирая салфеткой ложку и вилку.

- Здравсте, Таня, - сказал Шурик и присел за стол напротив.

- Меня Оля зовут, - ответила девушка.

- Я ошибся, прости. Тебя, Оля, там ждут. Просили тебя подойти.

- Кто? - удивленно спросила она. - Где?

- Вон там, в конце очереди.

Девушка встала и направилась в конец столовой.

Шурик Чекмарев быстро пододвинул к себе тарелку с супом и начал есть.

- Что вы делаете? - спросила подошедшая Оля. - Вы едите мой обед!

- Там, там тебя ждут, - показал куда-то в сторону Чекмарев. - Не отвлекай меня, Оля.

С заплаканными глазами девушка бросилась из столовой.

Никто ничего не понял, и только стоявшие в очереди Ерофеев и Соловьев улыбались.

- И еще мне котлету с пюре, а также каково два куска черного хлеба мне, - сделала заказ кассирше стоявшая впереди них женщина в рабочей спецовке.

- Для кого как, а я хлеб не употребляю, - ответила кассирша. - И тебе не советую.

- Я и говорю, что каково два куска черного хлеба мне, - повторила свой заказ женщина.

- Я же сказала, что я хлеб в пищу не употребляю. Пятый год, оттого и муж крепче любить меня стал. Ни белый, ни черный не ем совсем. Даже вечером. Поэтому спроси у кого-нибудь в очереди, кто ест хлеб, - посоветовала кассирша.

- Она просит пробить стакан какао и два кусочка черного хлеба, - разрешил спор Ерофеев. - Я правильно вас понял? - спросил он женщину в спецовке.

- Так я об этом уже трижды ее просила, а она мне о своей фигуре что-то лепечет, - подтвердила женщина.

- Ну, я пошел бросать живот на скамейку, - сказал подошедший Чекмарев. - Плотно сегодня пообедал. И бесплатно. А вы не умеете ценить свое свободное время, товарищи. К-ха, к-ха.

После обеда рабочее время тянулось медленно.

Директор института, по натуре человек деятельный и неутомимый, не мог сидеть без дела. "Назначить совещание? А по какому вопросу? Опять по поводу трудовой дисциплины? О чем тогда совещаться во вторник ""?

Он встал из-за массивного стола, медленно прошелся по кабинету. Закурил, подойдя к окну. Потом решительно подошел к столу и нажал кнопку селектора:

- Людмила Петровна, у меня на сегодня какие-либо мероприятия остались?

- Нет, Виктор Петрович, на сегодня больше никаких мероприятий не запланировано, - ответила секретарша.

- Куда-нибудь ехать нужно?

- Никуда не вызывали. Да и водитель поехал машину бензином заправить.

- Кто-либо звонил мне?

- Нет.

- По личному вопросу ко мне на прием желающие есть?

- Нет, Виктор Петрович.

- А где мои заместители?

- На своих рабочих местах, Виктор Петрович. Как всегда, работают в поте лица.

- Слышь, Люд, - тихо произнес директор. - Ты одна?

- Да, Виктор Петрович. А что, зайти?

- Сходи, пожалуйста, к моему заму Тимофееву, попроси у него пару газет с кроссвордами. Только, чур, не для меня. Для себя, якобы. Поняла?

- А как быть с телефонами?

- Ничего страшного.

Директор прошелся по кабинету. Однообразно гудел кондиционер, и эта монотонность мешала сосредоточиться, отвлекала от мыслей. Он снял пиджак, повесил его на спинку стула и включил телевизор. Передавали симфоническую музыку. "Тоска, тоска"... - подумал директор. Он переключил телевизор на другой канал - незнакомый артист монотонно читал стихи о природе. "М-да, дела", - пронеслось в его голове.

- Разрешите, Виктор Петрович? - в дверях показалась симпатичная секретарша.

- Заходи, Люд. Как твои успехи?

- Почти никаких.

- Не понял. Что значит "почти никаких"? - удивился директор.

- Всего одна газета с неразгаданным кроссвордом осталась, Виктор Петрович.

- Неужто он уже все испоганил? - медленно произнес директор.

- Говорит, что все остальные газеты он уже прочитал. Вы же сами знаете, Виктор Петрович, как он любит отгадывать кроссворды.

Неожиданно зазвонил телефон. Звонки были частые. "Междугородка", - сообразила секретарша и пулей вылетела в приемную:

- Алло, слушаю Вас.

Закрыв трубку ладонью, она крикнула директору через незакрытую дверь:

- Виктор Петрович, главк на проводе. Юрий Васильевич.

Директор подошел к столу и сел в мягкое кресло.

- Здравствуйте, Елена Николаевна, - секретарша директора института мягко поприветствовала далекую коллегу. - Да, на месте. Работает. Юрий Васильевич с ним будет разговаривать? Хорошо, соединяю.

Директор взял трубку и важно сказал:

- Елена Николаевна, мое почтение! Как настроение шефа? Ну и отлично. Вот и славненько. Добрый день, Юрий Васильевич. Да все нормально, работаем над планом третьего квартала. Конечно, трудностей много, и даже есть опасения по отдельным темам. В понедельник дать вам телеграмму с красной полосой с указанием тем, выполнение которых может быть сорвано? Разумеется, будет сделано. Я уже пометил в своем рабочем блокноте. А зачем вам эти данные, Юрий Васильевич? А, вы дадите мне письменное указание усилить работы по этим темам. Что ж, резонно. Понимаю. Будет сделано. Супруга в порядке, чего и вашей желаю. До свидания, Юрий Васильевич.

А в институте кипела творческая жизнь: составлялись списки на получение продовольственных заказов, согласовывались графики дежурства в ДНД на следующий месяц и проводился пробный опрос желающих принять личное участие в битве подшефного совхоза за высокий урожай.

И только в лаборатории № 1 после обеденного перерыва царили тишина и уныние: играть в футбол было запрещено, а для игры в теннис - не было шарика, и поэтому трудовая дисциплина была на должном уровне: старшие научные сотрудники дремали за рабочим столом, держа в правой руке логарифмическую линейку, а другие, менее ученые, изредка сладко позевывая, пытались покачивать головами, чтобы не проспать окончания рабочего дня.

Поставленный на шухер старший инженер Седов читал книгу, сидя у двери. И только руководителю бокса Ирине Блиновой не хотелось спать.

А вот в раздевалке было весело, потому как не привык класс рабочий спать в дневное время. Слесари и токари играли в домино, на высадку.

- Не стучите громко, ученых разбудите на свою голову, - не уставал повторять просьбу Ерофеев.

- Евгений Иосифович, - мягко произнесла Блинова, неслышно вошедшая в раздевалку. - У меня к вам просьба есть.

- В понедельник я к вам с полным участием, Ирина Дмитриевна, - не отвлекаясь от игры, ответил слесарь. - Только вы утром в понедельник, пожалуйста, на работу не опаздывайте. Договорились?

- Пойдемте, Евгений Иосифович, со мною в бокс, - попросила Блинова.

- Зачем, Ирина Дмитриевна? - живо заинтересовался Ерофеев, не поворачивая головы.

- Установочку собирать.

- А зачем нам ее сегодня собирать? - спросил Ерофеев, разглядывая костяшки. - Великие дела производятся в начале недели, Ирина Дмитриевна, - назидательно сказал Ерофеев. - И в библии эта мысль четко подтверждается. Вы читали Библию, Ирина Дмитриевна?

- Да что вы, право... Евгений Иосифович, у нас на носу отчет, а вы шутить изволите, право, даже не знаю ...

- А куда нам спешить? - опять взялся за свое Ерофеев. - Она, установочка, волк разве или в лес убежит? Да и вы в выходные подумаете, какие результаты нам потом получить надо. Верно говорю, рабочий класс?

- Есть же на белом свете люди с причудами, - подал голос Олег Соловьев. - Вот приходится из-за таких, не всех дома, личную жизнь ломать.

- Право, Ирина Дмитриевна, что с вами? - вступил в разговор Чекмарев. - Сегодня у нас какой день?

- Пятница, - неуверенно ответила Блинова.

- Вот, конец трудовой недели. Трудовой, понятно? А что это значит? А это значит то, что мы устали за трудовую неделю и что нам отдохнуть надо перед домашней работой в выходные.

- Евгений Иосифович, пойдете в бокс, - не успокаивалась Блинова. - До конца работы еще много времени.

- Тьфу ты, совсем нет житья от ученых, - сплюнул через левое плечо Ерофеев. - Развелось как ... Ну веди меня к своей установочке.

Они быстрыми шагами направились в бокс, в котором был смонтирован стенд по определению теплоемкости переохлажденного водорода в период его прокачки по трубопроводу.

- В какое положение вы меня ставите, Ирина Дмитриевна, - бурчал Ерофеев.

- В какое, Евгений Иосифович?

- В тяжелое. До обеда размять мышцы не дали из-за какого-то собрания, а после обеда, да еще в пятницу, не дали мысли собрать вместе да определить главные задачи на выходные. А вы говорите, в какое положение.

- За выходные отдохнете, Евгений Иосифович.

- Это как в нашей жизни придется.

- А я вам спиртику принесу, Евгений Иосифович. После того, как установку соберете. Медицинского.

- Дык, небось, немного? - не поверил своему счастью Ерофеев.

- Последний отдам. Из своего сейфа.

- Это мужской разговор, - согласился Женька Ерофеев. - На глазах исправляетесь, Ирина Дмитриевна. Весьма похвально.

Они пришли в центральный бокс, значительную часть которого занимал проливочный стенд. Экспериментальная установка состояла из набора несложного оборудования, основную часть которого составляли нержавеющие трубы, одна в другой, воздух из межтрубного пространства которых был откачен вакуумными насосами, сосуды Дьюара, различные вакуумные насосы, измерительные приборы.

Установка позволяла с помощью экспериментальных данных установить фактическую зависимость теплоемкости переохлажденного водорода от скорости его прокачки и степени вакуумирования межтрубного пространства. Установленные зависимости затем предполагалось использовать при проектировании узлов заправки космических кораблей.

- Вот и наша установочка, - Блинова погладила нежной ручкой холодную сталь.

- Это я вижу, - согласился Ерофеев. - Делать-то что надо?

- Самый пустячок. Надо демонтировать вот этот блок, вынуть из него стеклянную колбу, заменить ее на новую. Вот и все, Евгений Иосифович.

- А что это вам даст? - захотел приобщиться к науке слесарь.

- Барботаж будем осуществлять.

- А зачем вам это нужно?

- Барботаж - это такое явление, когда из замкнутой емкости с криогенной жидкостью мы начинаем откачивать ее пары, в результате температура жидкости понижается и образуется так называемая шуга, что-то типа снега.

- А зачем вам нужна шуга?

- Как это зачем, Евгений Иосифович? Ведь чтобы кусочек шуги превратить в жидкость, а затем и в пар, потребуется много энергии. В простонародье - тепла. Вот как лед вы расплавляете в кастрюле? Пока лед не растает, температура воды не поднимется. А что значит в нашем случае? Это значит, что для заправки настоящего ракетносителя переохлажденным водородом нам потребуется значительно меньшее количество водорода, потому как из одной единицы массы шуги получается значительно много жидкости. А это очень важно для нашей страны.

- Все понятно, - прервал ее Ерофеев, сообразивший, что без демонтажа установки колбу не заменить. - Идите за колбой, Ирина Дмитриевна.

Слесарь отвернул обмедненными ключами гайки вакуумного аппарата, осторожно снял со шпилек верхнюю его часть и аккуратно положил на стол.

Потом демонтировал переходник и вытащил колбу. “Работы еще минут на сорок”, - поглядывая на часы, определил Ерофеев фронт работы. До конца рабочего дня оставалось более двух часов.

- А вот и я, Евгений Иосифович, - цокая каблучками по кафельному полю, подошла Блинова, держа в руках стеклянную колбу, завернутую в белый халат.

- Осторожненько, Ирина Дмитриевна, - Ерофеев помог положить колбу на пол.

- Последняя, - поглаживая стеклянную колбу рукой, сказала она. - Перед уходом в отпуск стеклодув Никитич ее изготовил. Поэтому будьте крайне осторожны с нею, Евгений Иосифович.

- Знамо дело, - согласился он. - Это мы, разве, не понимаем?

Он опустил на колено, осторожно отсоединил гибкий шланг от вакуумного насоса.

- Вот и закончены подготовительные работы, Ирина Дмитриевна. Ну что, начнем монтаж?

- Давайте начнем, Евгений Иосифович, - разрешила она. - Как люди говорят, с богом!

Ерофеев работал быстро и аккуратно. Вскоре колба, обхваченная по окружности уплотнительной резиной, покоилась в нержавеющей ложе - круглом цилиндре с двумя продольными прорезями, необходимыми для прокладки проводов термодар. Ерофеев осторожно наживил гайки, проверяя, нет ли где защемления вакуумной резины.

- Вы бы, Ирина Дмитриевна, сходили за главным, - попросил слесарь. - Теперь я и без вас справлюсь.

- Хорошо, - ответила Блинова.

Вскоре он наживил все гайки. Колба прочно была закреплена в металлическом каркасе, проводки термодар были проложены по продольным прорезям. Оставалось только завернуть гайки, подключить гибкий шланг с вакуумными насосами да подключить датчики приборов.

Ерофеев, довольный своей работой, вытер рукавом потный лоб. И только теперь, внимательно оглядывая смонтированную установку, он заметил, что забыл прикрепить термодары равномерно по длине колбы. “Идиот, - расстроился он. - Целых сорок минут коту под хвост”.

Он с остервенением стал раскручивать гайки, бросая их на пол. В спешке из рук выскочил тяжелый ключ и ударился о стеклянную колбу. Ерофеев едва успел закрыть лицо руками, как гулкий взрыв вакуумной колбы мгновенно разбросал по боксу мелкие осколки стекла.

На вбежавшей в помещение Ирине Дмитриевне не было видно лица из-за стекавших сплошным потоком слез.

- Говорил я тебе, дура, что нельзя большие дела начинать в конце недели. “Установочка, установочка”! - грубо передразнил он Блинову.

Но Ирина Дмитриевна не слышала его. Закрыв лицо руками и не глядя под ноги, она выбежала за пределы бокса, выпустив из рук колбу со спиртом.

- Ну что за день такой, - Ерофеев поднялся на ноги.

На душе было скверно, да и стыдно было перед ни в чем не виноватой Блиновой.

Стараясь развеяться, он стал бродить по боксам, машинально открывая двери и пиная попадавшие под ноги разные мелкие валяющиеся на полу ненужности.

Он пришел в бокс, в котором заезжие монтажники “Союзкислородмонтажа” монтировали крупный блок по ожижению водорода. Рассеянным взглядом он

окинул помещение, от нечего делать открыл почему-то незапертую дверцу металлического шкафа. Скорее по привычки, нежели с какой-то определенной целью, он стал шарить в шкафу, в котором валялись электроды, гаечные ключи и прочие мелочи. Он бросил взгляд на нижнюю полку шкафа и увидел бутылку с жидкостью. Интерес ради он откупорил ее и попробовал на запах определить ее содержимое. Не придя к какому-либо конкретному мнению, он спрятал емкость под спецовку и направился в раздевалку, машинально захватив при этом стоявшую там металлическую кружку.

Минут за десять до окончания рабочего дня возле институтской проходной толпились лучшие его представители, изредка переругиваясь с вахтером, требуя от него невозможного - открыть ворота рая.

- Твои часы стоят! - орал из очереди слева. - Открывай ворота, голубчик!

- Мои часы правильно ходят, никогда не опаздывают. Погодь еще немного, рыбка золотая, я и открою ворота, - беззлобно отвечал вахтер.

- Не мелочись, папаша, будь человеком, открой калиточку! - несло справа.

- Охолонь малость, соколик, - привычно отвечал вахтер. - Не гоните коней, птахи небесные.

Ерофеев, Чекмарев и Соловьев были в первых рядах сотрудников, занявших удобную исходную позицию для прохождения проходной.

- Зачем просить о невозможном? - тихо произнес кто-то рядом в очереди.

- Поберегите меня с обеих сторон, иначе пузырь раздавят, - попросил друзей Ерофеев. - Кружку не забыли?

- В кармане, - ответил Олег.

- Товарищи, не давите, ведь не на рынке стоите в очереди за колбасой, - кто-то из очереди попытался сдержать толпу от активных действий.

Толпа гудела, чертыхалась, единой массой покачиваясь из стороны в сторону.

- Поехали, даешь свободу! - заорал кто-то впереди, и тотчас же толпа вздрогнула и устремилась в узкий зазор, едва не сбив с ног вахтера.

Кончилась напряженная трудовая неделя. Теперь можно было и отдохнуть душевно.

Владимир Тимофеевич Дзюба, подполковник в отставке, нехотя встал с дивана, потянулся и пошел на кухню.

- Джуля, ты где?

Маленькая собачонка известной китайской породы, виляя хвостом, стала заглядывать ему в глаза.

- За кефиром сходим? - спросил он. - Подожди, я оденусь. Да, скучно нам теперь с тобой три недели будет, пока моя жена с дочкой не вернутся из отпуска.

Мужчина открыл холодильник, достал молока, налил себе в стакан и немного налил в миску:

- Подкрепись перед гулянием.

В магазине было много народу. Это было самое неудобное для покупки время.

Сотрудники института после работы делали разные покупки. Самая большая очередь была у винного и гастрономического отделов.

Наступая друг другу на ноги и переругиваясь, мужики безуспешно пытались вне очереди приобрести бутылочку винца, а также прикупить колбасы на закуску.

- Позвольте купить двести граммов колбасы для дочки, - старался приблизиться к продавщице Чекмарев, командированный друзьями за закуской. - Да не толкайте в спину, товарищи!

- Что же вы вне очереди, молодой человек? - с укоризной спросил его Дзюба.

- Да на ужин дочке чуток колбаски купить хочу, - соврал Чекмарев.

- Ну становитесь впереди меня, - не обращая внимания на крики возмущения, разрешил пенсионер. - Мне еще кефирчику купить надо, потом батон хлеба, так что я не спешу.

- Спасибо за понимание критической ситуации, отец, - поблагодарил Чекмарев.

Ерофеев и Соловьев, ожидая гонца во дворе жилого дома, на пересечении улиц Терешковой и Быковского, недалеко от магазина, курили. Темнело.

- А ты уверен, что это спирт? - спросил Олег.

- А что же у монтажников может быть в шкафчике? - вопросом на вопрос спросил Женька. - Конечно, спирт.

- А стаканы где возьмем? - спросил Олег.

- Кружку с пользой используем, - успокоил Женька. - Протри ее.

- А вот и я, - подал голос Чекмарев, держа в руках батон хлеба, сверток с вареной колбасой, две бутылки газировки. За ним бежала маленькая собачонка.

Мужчины быстро соорудили на скамейке незатейливый натюрморт.

- Ну что, мальчики, вперед? - предложил Ерофеев. - Сколько прикажите наливать, господа?

- Как всегда, - ответил Олег. - Только вдруг это не спирт?

- Как не спирт? - удивился Шурик. - А что же это такое?

- Женька говорит, что это спирт, - ответил Олег. - Гости нашей, собачке, налить не забудьте.

- Если вы такие мнительные, то давайте проверим, как это делали наши солдаты на освобожденной от немцев территории, - предложил Женька.

- Как это? - спросил Шурик.

- А вот так, - Женька поставил бутылку на скамейку и завернул за угол.

Спустя несколько мгновений он принес в руках уже знакомую собачку:

- Она будет нашим экспертом!

Олег налил в кружку немного газированной воды, добавил туда спирт и подошел к Женьке:

- Держи ейную пасть шире!

Собачка, судя по всему, не приученная выпивать надармовщину, сопротивлялась, но силы были явно неравные - спустя мгновение содержимое половины кружки было успешно залито ей в рот. После этого собачке была дарована полная свобода.

- Вот и посмотрим на ее поведение, - закуривая, сказал Ерофеев. - Как на фронте на освобожденной от фрицев земле.

Собачка чихала, фыркала, крутила носом. Затем, медленно переставляя лапы и покачиваясь, ушла со двора.

- Наливай! - предложил Олег. - Будем долго жить веселой жизнью!

Ерофеев обслужил быстро и грамотно - налил в кружку воды и добавил спирт.

Емкость пошла по кругу. На душе стало заметно веселее. Мужчины закурили, мысленно вспоминая анекдоты.

- Джуля, ты где? - отоварившийся покупками Дзюба не встретил собачку возле магазина. Держа авоську в левой руке и опираясь правой рукой на массивную трость, он безуспешно искал собачку возле магазина.

Незаметно резко потемнело и подул холодный ветер.

- Как на душе повеселело, - произнес Ерофеев. - А вы еще пить не хотели.

- Прости нас смиренно, потому как некоторые сомнения по поводу спирта были, - ответил Олег. - Еще по одной?

Женька на ощупь налил воды в кружку, разбавил спиртом:

- Давай по кругу.

Вторая порция спиртного пошла тоже неплохо. Снова захотелось курить.

- Пора и к анекдотам приступать, - предложил Ерофеев. - Кто первый?

- Я, - сказал Олег. - Значит, так. Присвоили полковнику генеральское звание, как положено в таких случаях, заказал он банкет. Шумно и весело гуляют офицеры, тосты и здравицы произносятся. Словом, весело отметили генеральское звание, крепко набрались. Поздно вечером пришли с банкета домой новоиспеченный генерал с женой, спать ложатся. “Скажи, Вань, а ведь когда курсантом был, то, наверно, и не мечтал спать с генеральшей”? - жена ему.

Мужики весело заржали.

- Да, хороша жинка, - сказал Олег. - Твоя очередь, Шурик.

- Как одену португую, без стакана водки сразу я тупею, - ответил тот. - Не в той я кондиции, чтобы анекдоты говорить. Малость добавить надо.

- Хорошо, давай еще по одной, - согласился Женька.

- Я против сурьезного общества никогда ничего против не имею. Наливай, - рассмеялся Олег. - Тебе спичкой посветить?

- Матросы на суше не гибнут, - ответил Женька. - Это дело привычное, на ощупь одолеем. Или по булькам.

Мужики не спеша выпили, стали аппетитно закусывать.

- А это правда, что раньше в институте спирт ведрами пили? - спросил Чекмарев у Женьки.

- Ведрами - не ведрами, но пили. На складе много было бочек с шеллаком. Все про него забыли, а кто его заказал - тот уволился. Несколько лет стояли эти бочки, пока не обнаружил их случайно слесарь Шандыбин. Показал, как надо пользу обществу приносить.

- Его же пить нельзя, - вмешался Шурик.

- Если имеешь голову умную, - то можно. Наливаешь его из бочки в ведро, потом в ведро азота жидкого, пока он не загустеет. Это холодненькое ведерочко - да сверлильный станок, сверло диаметром побольше и оборотов поменьше. Вот и удаляется вся гадость, только спиртик остается. Процедил его материю, добавил для ароматности чего - либо - и блаженствуй себе на здоровье! Через полгода все бочки опорожнили, как пить дать, совсем мало брешу, - закончил монолог Женька.

- Было дело такое, - подтвердил Олег. - Я позже него пришел сюда, но факт сей исторический прилюдно подтверждаю, потому как и мне малость живительной влаги этой досталось.

- Да, у нас в институте чудачков много было. Как же, на космос работаем. Помню, был у нас в лаборатории доктор наук, человек пожилой. Фамилию его забыл. Так вот, захотел заказать он для своих опытов пресс небольшой, предположим, марки 4К-12. Поручил технику нужную заявку оформить, как положено. А техник, не опохмелившийся, буквы перепутал. Заказал пресс, но другой марки. Старичок наш, доктор ученый, через два дня забыл о прессе. Прошло два года, пришел пресс в институт. Стали проверять, кто заказал. Через неделю вышли на этого гуся ученого, а тот ни в какую - “не я эту штуковину заказывал”! Нашли в отделе снабжения его докладную, прижали фактами к стенке. А тот опять свое - “не я, мол, его заказывал, потому как мне нужен маленький пресс, а этот, огромный, для других дел предназначен”. Отказался, одним словом, шельма. На техника всю вину свалил.

- И что сделали с ним? - спросил Шурик.

- Через год старичок вышел на пенсию.

- Да нет, с прессом, - уточнил Шурик.

- Его года через три списали на металллом и премию получили за перевыполнение плана.

- Ребята, времени уже много. Торопиться с приемом лакомства надо, - сказал Олег.

- За нами дело не встанет, - ответил Женька. - Ради народа я на все готов, даже в пятницу.

Мужчины выпили, закусили. Потом закурили.

Выпитая жидкость в хорошем количестве и легкая закуска сделали свое дело - мужики заметно опьянели.

Отставной подполковник Дзюба отнес домой продукты и снова вернулся к магазину на поиски любимой собачонки Джулии. Он несколько раз обошел магазин, заглянул в ближайшие подворотни. Но собаки нигде не было. Возвращаться без любимой твари домой не хотелось, и он снова стал кругами ходить возле магазина.

Спустя часа два ему стало холодно, он сходил домой, одел теплый бушлат и снова приступил к поискам собачонки.

- Мальчики, я в норме, - покачиваясь, заплетающим голосом произнес Чекмарев. - Больше пить не могу.

- А мы все выпили, - показывая пустую бутылку, ответил Женька. - Покурим - и домой.

Стал накрапывать мелкий дождь.

- Пошли по домам, - опять загундел Шурик. - Поздно уже.

Женька выбросил в кусты ненужную бутылку:

- Пошли.

В темноте, когда не было видно и на расстоянии вытянутой руки, они ощупью, держась руками за стенку дома, стали выбираться на улицу.

Олег наступил на что-то мягкое и свалился на землю:

- Набросали тут, паршивцы, разной дряни. Мужик, что ли, на земле отдыхает?

Женька помог Олегу встать на ноги:

- Когда сюда заходили, на дороге ничего не лежало.

Олег, осторожно перебирая ногами, нашел что-то и взял его в руки:

- Ребята, это что-то пушистое.

Женька зажег спичку и все увидели - это была маленькая собачка. Вся морда у нее была в пене.

Женька зажег вторую спичку.

- Да это же наша знакомая, - Женька признал в ней Джулию.

- Онадохлая? - тихо спросил Шурик.

- Похоже на то, - согласился Женька.

Сказанные Ерофеевым слова повергли Шурика в пьяную истерику:

- Я говорил вам, что это не спирт! Отравились, отравились!

Он громко заплакал навзрыд.

Женька и Олег пытались понять, что же произошло.

Олег бросил собачку на землю. Женька снова зажег спичку и поглядел на животное - оно лежало бездыханно. Только Шурик громко скулил, что-то приговаривая.

- Надо срочно в больницу, промывание делать, - медленно произнес Олег. - Если успеем.

Мужчины сразу протрезвели частично.

Через городской парк, не дожидаясь автобуса, они помчались в больницу.

Подполковник Дзюба посмотрел на будильник - они показывали два часа ночи. "Ты в тепле, а про собачку забыл", - подумал он.

Дзюба попил воды, застегнул армейский бушлат на все пуговицы и снова направился на поиски своего друга.

Город спал.

По узким аллеям городского парка устало шагали три мужчины.

- Противно на душе, - сказал Олег.

- И жрать хочется, - подтвердил Женька. - Щец горячих.

- Все из-за этого придурка, - толкая рукой в спину Шурика, сказал Олег. - “Отравили нас, отравили”, нытик проклятый.

- И спирт пропал, и клизма нам на радость была дарована, - тяжело вздохнул Женька. - С непривычки задница болит.

- И ноги переставлять больно, - согласился Олег.

- Ребята, вон она! - показал куда-то вдаль Шурик.

- Кто? - почти одновременно спросили Женька и Олег.

- Да собачонка та!

Дзюба продрог до костей, но возвращаться домой без Джулии он не мог.

Он встал со скамейки и медленно стал прогуливаться по одиноким аллеям городского парка.

Приближающийся топот его насторожил. Он свернул с аллеи и спрятался в кустах, оттуда выглядывая.

По безлюдной аллее мчалась его Джулия, а за нею - трое мужиков с палками и камнями в руках.

- Бей ее! - орал Шурик, пытаясь короткой палкой ударить собачонку.

- Лови ее! - орал Олег.

- Не упускайте ее из вида! - советовал Женька.

Собачка бежала по главной аллее. Запущенный Олегом камень достиг цели - Джулия взвизгнула, повернув мордочку в сторону преследователей, и побежала на трех лапах.

- На войне - как войне, - как клятву произнес слова подполковник и направился к главной аллее, по которой бежали собачка и мужики.

Дзюба встал за толстое дерево, где аллея делала перпендикулярный поворот, и взял массивную трость в правую руку.

Он был готов к неравному бою.

Первой мимо него проковыляла Джулия.

Вторым живым существом был Олег. Едва он миновал дерево, как подполковник со всей силы опустил ему на голову тяжелую трость.

Олег бесшумно свалился на мокрую траву.

Вторым бесшумно упавшим оказался Женька Ерофеев.

Третьим, прилегшим на мокрую травку, стал Шурик Чекмарев.

Спустя несколько мгновений из-за дерева вышел Дзюба. Держа наготове трость в руке, он подошел к трем лежавшим на траве мужикам в бессознательном состоянии.

Подполковник сплюнул и медленно направился к дому.

Джулия, зализывая больную ногу, ждала его возле подъезда.

“Пора выпить чашечку горячего чая перед сном”, - подумал про себя довольный Дзюба.